

В современных условиях дисгармонии человеческих взаимоотношений, роста отчуждения между людьми, вызванного созданием многочисленных опосредованных средств общения проблема сочувствия начинает приобретать все большую актуальность, поэтому выявление истинного содержания этого феномена, определение основных исторически сложившихся подходов к его интерпретации должно стать первоочередным шагом на пути решения проблем морали и нравственности.

Литература

1. *Спенсер Г.* Опыты научные, политические и философские / Пер. с англ.; Под ред. Н. А. Рубакина. Мн.: Современный литератор, 1998. 1408 с.
2. *Шопенгауэр А.* Об основе морали // Шопенгауэр А. Две основные проблемы этики; Афоризмы житейской мудрости. Мн., 1999. С. 157–350.
3. *Scheler M.* Wesen und Formen der Sympathie. Frankfurt/Main: G. Schulte-Bulmke, 1948. 287 S.

КОНЦЕПЦИЯ СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА М. КАСТЕЛЬСА

Е. И. Князева

Концепция «сетевого общества» является одной из составляющих целостной теории информационного общества Мануеля Кастельса, охватывающей практически все области человеческой деятельности и позволяющей оценить фундаментальные последствия революции в информационных технологиях.

Данная теория является разновидностью теории информационного общества, начавшей свое развитие со второй половины 60-х годов, как модификация концепции постиндустриального общества. Пик ее популярности пришелся на начало 70-х годов, когда многие исследователи согласились с выводом, что в новых условиях «культура, психология, социальная жизнь и экономика формируются под воздействием техники и электроники, особенно компьютеров и коммуникаций, производственный процесс более не является основным решающим фактором перемен, влияющим на нравы, социальный строй и ценности общества» [4, с. 222].

Кастельс не использует привычную терминологию данной теории, отмечая, что термин «информационное общество» только лишь подчеркивает роль информации в обществе, но информация, по его мнению, в самом широком смысле, то есть как передача знаний, имела критическую важность во всех обществах, включая средневековую Европу. Термин «информационное» указывает у него на атрибут специфической формы социальной организации, в которой благодаря новым технологическим условиям, возникающих в данный исторический период, генериро-

вание, обработка и передача информации стали фундаментальными источниками производительности и власти [2, с. 423]. Такой подход выделяет М. Кастельса из рядов приверженцев традиционной версии постиндустриализма.

Кастельс рассматривает формирующуюся сегодня в глобальном масштабе социальную структуру как сетевое общество, важнейшей чертой которого выступает даже не доминирование информации или знания, а изменение направления их использования, в результате чего главную роль в жизни людей обретают глобальные, сетевые структуры, вытесняющие прежние формы личной и вещной зависимости. Кастельс подчеркивает, что он именуется социальной структурой информационного века сетевым обществом потому, что «оно создано сетями производства, власти и опыта, которые образуют культуру виртуальности в глобальных потоках, пересекающих время и пространство... Не все социальные измерения и институты следуют логике сетевого общества, подобно тому как индустриальные общества в течение долгого времени включали многочисленные прединдустриальные формы человеческого существования. Но все общества информационной эпохи действительно пронизаны – с различной интенсивностью – повсеместной логикой сетевого общества, чья динамичная экспансия постепенно абсорбирует и подчиняет предсуществовавшие социальные формы» [1, с. 505].

Кастельс определяет сетевое общество как динамичную открытую систему, допускающую новации без утраты баланса. «Сети являются орудиями, подходящими для капиталистической экономики, основанной на обновлении, глобализации и децентрализованной концентрации; для труда рабочих и фирм, базирующихся на мобильности и адаптивности; для культуры с бесконечной деконструкцией и реконструкцией; для политики, направленной, к моментальной обработке ценностей и общественных настроений, и для социальной организации, нацеленной на подавление пространства и уничтожение времени» [3, с. 37].

Сеть, по определению Кастельса, – это множество взаимосвязанных узлов. Конкретное содержание каждого узла зависит от характера той конкретной сетевой структуры, о которой идет речь [5; 6]. К ним относятся, например, рынки ценных бумаг и обслуживающие их вспомогательные центры, когда речь идет о сети глобальных финансовых потоков. К ним относятся советы министров различных европейских государств, когда речь идет о политической сетевой структуре управления Европейским союзом и т. п.

Согласно закону сетевых структур, расстояние (или интенсивность и частота взаимодействий) между двумя точками (или социальными поло-

жениями) меньше, когда обе они выступают в качестве узлов в той или иной сетевой структуре, чем когда они не принадлежат к одной и той же сети. С другой стороны, в рамках той или иной сетевой структуры потоки либо имеют одинаковое расстояние до узлов, либо это расстояние во все равно нулю. Таким образом, расстояние (физическое, социальное, экономическое, политическое, культурное) до данной точки находится в промежутке значений от нуля (если речь идет о любом узле в одной и той же сети) до бесконечности (если речь идет о любой точке, находящейся вне этой сети). Включение в сетевые структуры или исключение из них, наряду с конфигурацией отношений между сетями, воплощаемых при помощи информационных технологий, определяет конфигурацию доминирующих процессов и функций в современных обществах [1, с. 498].

Сети децентрализуют исполнение и распределяют принятие решения. У них нет центра. Они действуют на основе бинарной логики: включение/исключение. Все, что входит в сеть, полезно и необходимо для ее существования, что не входит – не существует с точки зрения сети, и может быть проигнорировано или элиминировано. Если узел сети перестает выполнять полезную функцию, он отторгается ею и сеть заново реорганизуется. Некоторые узлы более важны, чем другие, но они все необходимы до тех пор, пока находятся в сети. Не существует системного доминирования узлов. Узлы усиливают свою важность посредством накопления большей информации и более эффективного ее использования [5, с. 7]. Значимость узлов проистекает не из их специфических черт, но из их способности к распределению информации. В этом смысле главные узлы – это не центральные узлы, а узлы переключения, следующие сетевой, а не командной логике.

Сети являются очень старой формой социальной организации, но в информационную эпоху они становятся информационными сетями, усиленными информационными технологиями. Сети имеют преимущество перед традиционными иерархически организованными морфологическими связями. Кроме того, они наиболее подвижные и адаптивные формы организации, способные развиваться вместе со своим окружением и эволюцией узлов, которые составляют сети.

Динамизм социальной структуры сетевого общества, его глобальный охват, обусловленный финансовыми рынками, военными технологиями, информационными потоками, делают сетевое общество расширяющейся системой, проникающей различными путями и с разной интенсивностью во все общества. Но именно эти различия исключительно важны, когда мы пытаемся понять реальные процессы жизни и смерти данной страны

в данное время. Какого рода сетевое общество перед нами? Каковы различные формы проникновения сетевой логики в разные сферы социальной, экономической и политической организации? Эти вопросы становятся крайне важными для понимания новых реальностей, возникающих где-либо на рубеже веков. Сетевое общество – это не модель успеха современности; подчеркивает Кастельс, скорее это крайне общая характеристика возникающей социальной структуры. В свое время таковым было индустриальное общество [1, с. 588].

Поскольку темпы установления информационного общества в различных странах различны, а формы взаимодействия с ранее существовавшими социальными структурами разнообразны, анализ возможных состояний, подобный тому, который сделал Мигель Кастельс, может служить ключом к пониманию как стабильности, так и кризиса в современном процессе социальных изменений.

Литература

1. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество, культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
2. *Кастельс М.* Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под редакцией В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. 640 с.
3. *Кастельс М., Киселева Э.* Россия и сетевое общество // Россия в конце XX века: Тез. докл. Междунар. конф. М., 1998. С. 36–48
4. *Путь в XXI век. Стратегические проблемы и перспективы российской экономики / Под ред. Д.С.Львова.* М.: Дрофа, 1999. 456 с.
5. *Materials for an Exploratory Theory of Network Society // The British Journal of Sociology.* 2000. № 51. P. 5–14

НАУЧНОЕ И АНТИНАУЧНОЕ ЗНАНИЕ: СТАТУС В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

В. С. Кулик

Положение современной науки радикально отлично от предшествующих эпох, когда наука рассматривалась лишь как процесс получения нового знания. Начиная с 20 века, феномен науки рассматривается в более широком социальном контексте, наука становится социальной силой техногенной цивилизации. Это вполне оправдывает тот факт, что проблематизация научного дискурса и изменение форм методологической рефлексии в современной культуре актуализирует исследование статуса науки в ее отношении к другим формам знания.

В конце 20 века представления об идеале научности претерпевают наиболее существенные изменения. Осуществляется переход от веками